

УДК 821.161.1.09-3+929 Акунин

ПОРЯДОК СЛОВ В АВТОРСКОЙ РЕЧИ Б. АКУНИНА

И. А. Вороновская

Саратовский государственный университет
E-mail: vorona_ira.87@mail.ru

В статье представлены результаты анализа порядка слов в авторской речи Б. Акунина. Особое внимание уделено разговорным конструкциям, проникающим в авторскую речь с разными целями.
Ключевые слова: порядок слов, Б. Акунин, авторская речь, несобственно-прямая речь, разговорная речь.

Word Order in the Author's Speech of B. Akunin

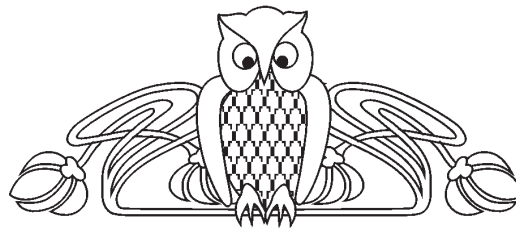
I. A. Voronovskaya

The results of word order analysis in the author's speech of B. Akunin are represented in the article. A special notice is given to informal spoken structures, permeating the author's speech with a variety of purposes.
Key words: word order, B. Akunin, author's speech, internal monologue, informal speech.

В своих произведениях в авторском повествовании Борис Акунин в основном придерживается норм порядка слов письменной речи, закономерностей актуального членения и расположения слов в словосочетаниях. Но это не означает, что авторское повествование у него не допускает иного порядка слов. Отступления от норм письменной речи и будут рассмотрены в этой статье. Для анализа порядка слов у Б. Акунина мы использовали следующий материал: повести «Мука разбитого сердца» (далее – М.), «Пиковый валет» и «Декоратор» (далее – П. и Д.), роман «Любовница смерти» (далее – Л.), пьеса «Инь-ян» (далее – И.).

Рассматривая художественные произведения, мы часто сталкиваемся со стилистически окрашенным порядком слов. Основная сфера использования такого порядка слов – диалоги и монологи персонажей, где он имеет разговорную окраску и является средством стилизации говорения, создания речевых характеристик, подсказкой эмоционального состояния персонажа. Для этого у Б. Акунина может быть использован порядок главных членов предложения (постпозиция подлежащего-темы, реже препозиция подлежащего-ремы), порядок частей сказуемого (препозиция инфинитива, который вместе со спрягаемым глаголом является одним коммуникативным членом, или препозиция именной части сказуемого), порядок компонентов словосочетаний (препозиция дополнений, входящих в состав ремы, препозиция обстоятельств места, являющихся составным элементом речевого словосочетания, постпозиция определений), место детерминирующих обстоятельств (вынесение их в середину предложений).

Некоторые писатели как одно из средств изображения разговорной речи используют не-

свойственное письменной речи расположение союзов и частиц. К такому стилистическому приему, хоть и нечасто, прибегает, например, В. Пелевин (выделены слова, занимающие несвойственные письменной речи позиции): *Свиньи потому что* («Числа»); *Жалко только, что редко меня, как сейчас, пробирает, до сердца* («Тарзанка»); *Обычно то я человек молчаливый, а сейчас прорвало будто* («Тарзанка») и др. У Б. Акунина порядок союзов и частиц сохраняет свой «естественный вид» как в речи персонажей, так и в авторской, что связано с тем, что писатель использует не сплошную материю норм расположения слов в разговорной речи, а лишь некоторые ее черты.

Использование вышерассмотренного порядка слов в авторской речи Б. Акунина имеет несколько причин.

Различные варианты разговорного порядка слов в составе авторской речи придают ей выразительность, усиливают эмоциональность. К такому средству писатель прибегает, когда выражает личное отношение к персонажу, описывает его характер. К примеру, в повести «Мука разбитого сердца», характеризуя персонажей, автор располагает слова таким образом, что прямые и косвенные дополнения и инфинитивы в составных сказуемых оказываются в препозиции (при этом они являются компонентами ремы), а детерминирующие обстоятельства с временным и пространственным значениями размещаются в середине предложений. Выразительность речи повышает также предшествующая обстоятельству места, образующего со сказуемым словосочетание, что характерно для разговорной речи. Например: *А девушка была смелая, с характером – даром что ли на войну ушла – и повела себя на манер пушкинской героини, то есть своих чувств скрывать не стала* (М.). Предложения с таким порядком слов выделяются на фоне всего авторского повествования. Авторская речь Б. Акунина с помощью порядка слов приобретает определенную выразительность и тогда, когда он описывает психическое состояние персонажа. В таких случаях писатель употребляет препозитивные инфинитивы и именную часть сказуемого, препозитивное сказуемое-рему, препозитивное косвенное дополнение, обстоятельство времени в середине предложений. Например: *И так ясно: погибает человек без любимой, жизнь не мила, и спасти его от гибели в сей роковой миг может лишь взаимность* (М.). В целом же расположение

слов в авторской речи в этом произведении соответствует нормам письменной речи. Отступления от этого существенны, но немногочисленны.

Эмоциональность речи выделяется ярче, если в постпозицию вынесено согласованное определение. У Б. Акунина эти случаи характерны для несобственно-прямой речи, которая дает автору возможность тонко, как бы изнутри, характеризовать героя, показывать его внутренний мир (примеры будут рассмотрены ниже).

Благодаря несобственно-прямой речи создается впечатление соприсутствия автора и читателя при поступках и словах персонажа, незаметное проникновение в его мысли. Несобственно-прямая речь широко используется в художественной литературе как прием сближения авторского повествования с речью персонажей. Автор как бы перевоплощается в персонажа, оставаясь в то же время в рамках своей авторской речи. Такой способ передачи чужой речи позволяет сохранить естественные интонации и нюансы прямой речи. Одним из сигналов несобственно-прямой речи у Б. Акунина является разговорный порядок слов. Рассматривая его повесть «Декоратор», легко заметить, как резко меняется авторское повествование, когда писатель передает мысли одной из своих героинь. Высказывания воспринимаются как исходящие от персонажа. Частично сохраняются лексические, стилистические и грамматические особенности ее речи. Вот, к примеру, часть такого авторского повествования (разговорные слова подчеркнуты, а разговорное расположение слов выделено жирным шрифтом):

*Видно, **запропал Эрастушка**, сдал его **тот огрызок ушастый** в полицию, и сидит **голубь светлый** в **кутузке** первого арбатского околотка, самого что ни на есть свирепого на всей Москве. **Гостинчик** бы передать **лапушке**, да околоточный Кулебяко **там** зверь **хищный**. Засадит опять, как в прошлый год, пригрозит **желтый билет** отобрать, и обхаживай **потом задарма** весь околоток, до последнего **сопливого** городского. По **сю** пору вспомнить **противно**. Пошла бы **Инеска** и на такое унижение, лишь бы **зазнобе** помочь, так ведь **Эрастушка** кавалер с понятием, **собою чистенький**, с **разбором**, после **Инеской** **брезговать** станет. А страсть у них, можно сказать, еще и не сложилась, любовь только-только обозначилась, но с первого взгляда прикипела **Инеска** к **синеглазенькому**, **белозубенькому** всей душой, **втрескалась** ужасней, чем в **шестнадцать годков** в парикмахера **Жоржика**, чтоб таму **рожку смазливую** перекосило, змею **подлому**, если, конечно, не спился еще **всмерть**.*

*Ах, скорей бы объявился, медовый-патошный. Дал бы Слепню, аспиду **поганому**, **укорот**, приласкал бы **Инеску**, приголубил. А уж она и разузнала для него, чего велел, и **денежку** за **подвязкой** утаила – три рубля с **полтинничком** **серебряным** (Д.).*

Только в этом отрывке автор называет главного героя Эрастушкой (так, как называла его героиня), и это является одной из подсказок того, что автор передает ее мысли. Только здесь такое

большое скопление разговорных элементов: просторечных слов и выражений, много вводных и эмоционально окрашенных слов. Среди них и порядок слов, характерный для разговорной речи: постпозиция подлежащего (*прикипела Инеска, пошла бы Инеска, запропал Эрастушка, сидит голубь, сдал тот огрызок*), препозиция инфинитива (*брезговать станет*), дополнения (*денежку утаила, желтый билет отобрать, зазнобе помочь, гостинчик бы передать*), обстоятельство места в центре предложений (*там, за подвязкой*). Все это служит сигналом чужой (не авторской) речи.

Выше приведена лишь часть из большого отрывка, который отличается от остального авторского повествования, прежде всего, употреблением большого количества постпозитивных согласованных определений, выраженных прилагательными или сочетанием прилагательного и местоимения (*аспиду поганому, голубь светлый, зверь хищный, рожку смазливую, змею подлому, огрызок ушастый*). Здесь встречаются и предложения, в которых есть и несколько постпозитивных определений: *Рухнула Инеска лицом в семь подушек и глухо завывла – о доле **своей злосчастной**, о мечте **несбывшейся**, о муке **неминучей** (Д.); Подошла, посмотрела снизу вверх на лицо **собою прекрасное**, на **глазыньки сердитые**, на **усики подвитые** (Д.)* и др. В этом отрывке 26 постпозитивных определений-прилагательных, 41 препозитивное, в остальном же авторском повествовании в повести «Декоратор» в постпозиции располагаются только 10 определений, тогда как в препозиции их 322.

В других произведениях Б. Акунина постпозитивные определения-прилагательные в составе авторской речи встречаются тоже редко. В повести «Пиковый валет» в авторском повествовании в постпозиции находятся 23 определения, в препозиции – 361, в повести «Мука разбитого сердца» – 6 из 593, а в романе «Любовница смерти» и вовсе отсутствуют. Кстати, порядок слов с разговорной окраской в авторском повествовании встречается и в предложениях с косвенной речью, для чего у Б. Акунина характерно использование препозиции инфинитива или именной части сказуемого и препозиции дополнений, что является наиболее типичными чертами порядка слов разговорной речи в отличие от несобственно-прямой речи, где используется свойственное разговорной речи размещение членов предложения, детерминирующих обстоятельств и компонентов атрибутивных словосочетаний.

Возможно, большое количество постпозитивных определений в несобственно-авторской речи в приведенном выше отрывке из повести «Декоратор» подсказывает также социальное положение героини, чьи мысли передаются (она принадлежит к низам общества). Известно, что в диалогах и монологах персонажей порядок слов может служить средством речевой характеристики. У Б. Акунина один из сигналов социальной характеристики персонажа – постпозиция определения. Слишком частое, по сравнению с речью других

персонажей, употребление постпозитивных определений, выраженных как местоимениями, так и прилагательными, – основной показатель речи персонажей из низкого слоя общества¹.

Реже как прием выразительности Б. Акунин использует дистантное расположение согласованного определения и определяемого слова. Если не считать тех случаев, когда между существительным и прилагательным располагается местоимение (которые будут рассмотрены позже), то в повести «Пиковый валет» в авторской речи таких случаев 4 (в речи персонажей их нет), в «Декораторе» – всего лишь один (в речи персонажей столько же), в повести «Мука разбитого сердца» – тоже один (в речи персонажей столько же), в романе «Любовница смерти» такие примеры отсутствуют, а в пьесе «Инь-ян» в речи персонажей их 6. Например: *Большущая наметилась операция: одним махом все московские конфузы покрыть* (П.); *Какие чудесные приносит подарки!* (И.); *Стройную я вам изобразил версию?* (И.) и др. Такие случаи вносят высокую степень эмоциональности как в авторскую речь, так и в речь персонажей (каждый раз автор комментирует настроение, состояние героя, сопровождая его речь этими указаниями).

Во многих произведениях писателя следующее за определяемым словом определение-прилагательное в несобственно-прямой речи часто подчеркивает экспрессивную окраску, оценку, положительную или отрицательную. Таким образом Б. Акунин как бы передает отношение одного персонажа к другому. В повести «Мука разбитого сердца» такие определения выражают гнев персонажа, недовольство, насмешку: *Мерзкий гном почуял неладное, нахмурился. Что, съел, латша итальянская?; Ну и пусть бесится, упырь ушастый* и др. Из 6 постпозитивных определений 4 встретились именно в таком контексте. В «Пиковом валете» и «Декораторе» постпозитивные определения встречаются и в случаях положительных эмоций персонажа, его хорошего отношения к другим персонажам: *Пропал дролечка, пропал прылец сказочный, красавец писаный Эрастушка, второй день личика своего сахарного не кажет* (Д.). Всего примеров с постпозитивными определениями, подчеркивающими мысли, отношение к другим персонажам, в обеих повестях 19 (12 из которых использованы в вышеприведенном отрывке). В собственно авторской речи в повести «Декоратор» словосочетание с постпозитивным согласованным определением, имеющее эмоционально-оценочный характер, встретилось только один раз, а в повести «Пиковый валет» – 7. Эти случаи являются одним из основных сигналов того, что это также мысли персонажей, поскольку в их прямой речи они встречаются и характерны для диалогов и монологов всех проанализированных произведений Б. Акунина. Встречающееся в обращениях персонажей постпозитивное местоимение «мой» выражает доброжелательное отношение одного персонажа к другому: *Софико-о, голубка моя, домой пора чай пить, чурек кушать* (П.); *Эраст*

Петрович, друг мой, ведь что же это! (П.); *Сын мой, золотое сердце!* (И.); *Инга! Ангел мой!* (И.); *Вы ведь, душа моя, отлично знаете, у меня нынче каждая минута на счету* (Д.) и др.

Помимо этого, постпозитивные определения в повестях «Пиковый валет» и «Декоратор» являются следствием и другой функции порядка слов в авторском повествовании – стилизации устного рассказа. Конечно, постпозитивные определения не являются единственным и основным средством создания повествовательной окраски. Некоторые исследователи, в том числе И. И. Ковтунова, атрибутивные словосочетания с постпозицией прилагательного относят к конструкциям с народно-поэтической (или фольклорно-повествовательной) окраской². Вариантами расположения слов с повествовательной (или эпической) окраской И. И. Ковтунова считает также конструкции с частичной или полной инверсией нерасчлененной предикативной группы в предложениях с детерминантами и иногда конструкции с частичной или полной инверсией сказуемого-ремы³. Под инверсией она понимает результат перемещения фразового ударения с конца фразы в ее начало или середину, как и перемещения ударения в речевом такте с его конца в начало⁴. У Б. Акунина основная роль в этом принадлежит порядку главных членов предложения, который используется более ярко, поражает многочисленными случаями обратной последовательности, чаще контактной (постпозиция подлежащего-темы или препозиция подлежащего-ремы, что, однако, является более редким явлением)⁵. Помимо этого, чтобы у читателя возникло ощущение устного рассказа, писатель вводит в авторское повествование и другие отступления от норм письменной речи. Оттенок разговорности имеет расположение и частей составного сказуемого, и компонентов словосочетаний, когда их единство разрушается вне зависимости от актуального членения. Приведем некоторые цифры. Примеров с постпозицией инфинитива в «Декораторе» 171, в «Пиковом валете» – 156, а с препозицией – 31 и 47 соответственно. При этом 19 сказуемых с препозицией инфинитива выполняют одну коммуникативную роль, тогда как остальные разделены актуальным членением. Примеров с постпозицией именной части сказуемого в «Декораторе» 68, «Пиковом валете» – 47, с препозицией – 3 и 6 соответственно. В глагольных словосочетаниях в стилистически нейтральной письменной речи управляемый компонент должен находиться в постпозиции. В указанных повестях в постпозиции расположено 1209 прямых дополнений, в препозиции – 287, при этом 106 препозитивных прямых дополнений находятся в составе ремы. Косвенных дополнений в постпозиции 275, в препозиции их 152, 54 из которых являются компонентами ремы. Выше указано количество только тех дополнений, которые выражены существительными. В повести «Пиковый валет» в препозиции располагаются и прямые дополнения, выраженные субстантивированными прилагательными, – 8 при-

меров, тогда как в постпозиции – 47. Случаи с препозитивными местоименными дополнениями также встречаются, однако они для нас интереса не представляют, так как коммуникативно незначимы, не несут ни информативного, ни характеризующего смысла. Рассмотренный порядок слов создает впечатление спонтанности возникновения высказывания, поэтому мы пришли к выводу, что Б. Акунин пользуется этими вариантами порядка слов для стилизации устного рассказа.

Порядок слов в авторской речи в повестях «Пиковый валет» и «Декоратор», возможно, сигнализирует и о том, что Б. Акунин стилизует старое время. Действия в этих повестях происходят в конце XIX в., а в других произведениях – в начале XX в. Чтобы язык произведений отличался, вероятно, писатель использует в повестях некоторые черты порядка слов более раннего периода, так как уже в пушкинском периоде нормы порядка слов напоминают современные. О. Б. Сиротинина упоминает, что писателям XVIII – начала XIX в. свойственно коммуникативно не мотивированное использование постпозитивных определений (постпозиция определений не обусловлена актуальным членением). Но особенно широко в начале XIX в. распространена в художественном стиле постпозиция притяжательных местоимений⁶. Это мы находим и у Б. Акунина. В авторской речи в обеих повестях всего встретилось 13 постпозитивных местоимений, из которых 9 – притяжательные: *Анисий такому самообладанию позавидовал, никчемности своей устыдился, но дела никакого придумать для себя не смог* (Д.); *Науку свою Момус постигал постепенно и в ранние годы применял по мелочи, для небольшой выгоды, а более для проверки и эксперимента* (П.) и др. Но в других его произведениях постпозитивных местоименных определений в авторском повествовании меньше («Мука разбитого сердца» – 1, «Любовница смерти» – 2), а притяжательных и вовсе нет. Кроме этого, в речи персонажей в обеих повестях постпозитивные местоимения встречаются чаще, чем в других его произведениях. Такие случаи не характерны для современной разговорной речи. Как утверждает О. Б. Сиротинина, от Карамзина до наших дней ясно видна тенденция к уменьшению частотности местоимений, поскольку местоименные определения, находясь в постпозиции, коммуникативно незначимы, лишние⁷. Большую степень значимости, согласно О. Б. Сиротининой, имеют местоименные определения при наличии определения-прилагательного, если они располагаются перед ним⁸. Такие случаи у Б. Акунина также встречаются, но редко: *Вот откуда взгляд-то этот постный, вот откуда смирение* (Д.); *Праведник их должен благословить, ручкой своей безгрешной осенить, и очистятся они* (П.); *Да и на папашу моего драгоценного лишний раз любоваться неохота* (И.); *Туфельки ее домашние под кроватью* (Л.) и

др. Есть и 2 случая в произведениях Б. Акунина, когда местоименное определение стоит после прилагательного, но перед существительным, один такой случай встретился в авторской речи в повести «Декоратор» (другой – в речи персонажа в пьесе «Инь-ян»): *Самое любимое его слово. «Терпение» значит* (Д.); *Вокруг убивают, похищен веер, единственное его достояние, а Ян помнит только о своей науке* (И.). В пьесе «Инь-ян» встретился и один пример, в котором местоимение следует за причастием, но предшествует существительному: *Я при почившем **нашем** благодетеле в лакеях состоял-с, для всякой личной и даже конфиденсной надобности* (И.).

Еще одной подсказкой того, что Б. Акунин стилизует время, являются атрибутивные словосочетания с церковной лексикой, в которых определения занимают постпозицию, что соответствует церковно-славянским нормам. В авторском повествовании таких примеров 8: *Момус остановился посмотреть, как этакий щекан станет царствие небесное выкупать* (П.); *Тому семь лет в малую златную церковь близ въезда в Новопименовский монастырь ударила молния – крест святой своротила и колокол расколола* (П.); *Отец настоятель молебен отслужил и водой святой покропил – не помогло, только страшнее стало* (П.); *Он знал, что чиновник особых поручений сейчас в Мариинской больнице, где обмывают и обряжают бедное, израненное тело раба **Божия** Анисия, в недавнем прошлом губернского секретаря Тюльпанова* (Д.) и др. В речи персонажей эти случаи, конечно же, встречаются чаще (16 примеров).

Все вышесказанное свидетельствует о многообразии экспрессивных возможностей порядка слов и о его значительной роли в индивидуальной авторской манере Б. Акунина.

Примечания

- 1 См.: Вороновская И. Порядок слов как средство речевой характеристики персонажей в произведениях Б. Акунина // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2010. Вып. 10. С. 178.
- 2 См.: Ковтунова И. Порядок слов в современном русском литературном языке и формирование норм словорасположения в XVIII – первой трети XIX в. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1973. С. 42–43.
- 3 Там же. С. 42.
- 4 Там же. С. 21.
- 5 См.: Вороновская И. Функции порядка слов в произведениях Б. Акунина // Филологические этюды. Саратов, 2010. Вып. 14.
- 6 См.: Сиротинина О. К вопросу о роли Пушкина в становлении современных норм порядка слов // Вопросы теории и методы изучения русского языка. Саратов, 1965. С. 137–149.
- 7 Там же. С. 142.
- 8 См.: Сиротинина О. Порядок слов в русском языке. М., 2003. С. 19.